

Ф. БЕЛКИН.
Родина моей песни

Там, где жизнь растлила с боем,
Там, где пашни да леса,
Скачут гонимые водостоя
От отборного овса,
Скачут с ревностью здоровой
За буланным вояжом.
Там, где грузные коровы
Полнят ведра молоком,
Радость водит хороводы
По осушенным лугам,
А седые пчеловоды
Мед качают по утрам.
Где с плодовым изобильем
От зари и до зари
Скорят бег автомобили,
Ночь включает фонари,
И не дремлют сторожа
Над общественным богатством.
Где под грудью «сталинградца»
Оттолкнулась межа,
Где возят в вазах шпеницу
К элеваторам страны,
Призываются к границам
Нашей родины сыны,
Для которых на платочках
Вышиваются любовь:
«Не забудь, что три годка
Крепко любилась с тобой»...
Славить время,
Жизнь и власть —
Там ты, песня, родилась.

Дер. Высокое,
Глушковский район.

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ.

ПОД СОВЕТСКИМ НЕБОМ

Задумчиво, тепло и просто
Вождем с народом своим говорят.
Искрой мужества и героизма
Слово сталинское горит.

Это слово звенит металлом
И цветет урожаем полей,
Жить в стране нашей весело стало,
Скоро станет еще веселей.

И свидетели многих столетий —
Последние стены Кремля —
Жадно слушают в слове этом,
Как гудит по иному земля.

Самолетам навстречу слепю
В крылья тычется облак жлоб
И старинного звездного неба
Поднимается потолок.

Но бесстрашные взоры пилота
Дальше, к солнцу устремлены,
О вожде поют самолеты,
О героях поют самолеты,
Первой в мире счастливой страны.

УЧЕНИКИ НАШЛИ ЧАСТЬ БИВНЯ МАМОНТА

14 мая в областной краеведческий музей ученики 9-й школы Юлья Успенский и ученики 20-й школы Алена Лазарев принесли части бивня мамонта.

Выяснилось, что они его выкопали в выходной день в овраге, который отбегает за ипподромом гор. Шурск.

На одном из склонов оврага, сплошь состоящем из глинистых слоев, в небольшой пещерке, образовавшейся от размыва весенними потоками, находилась эта, слегка шлохотатая, около 3-х метров длины, кость. От поверхности оврага место нахождения кости отстоит на 10—12 метров, а до конца оврага — на 5 метров.

МАТВЕЕНКО.

Колхозные частушки

Эй бей, дробней,
Салом не жалеет,
Стало жить хорошо,
Стало жить веселей!

Я девченка боевая,
От машины колесо,
Прибауток знаю много
И танцую хорошо.

Кудри вились — овалились
На левое плечо,
Я колхозную работу
Полюбливаю горячо.

Кругом поле, кругом поле,
А на поле трактора,
Ой, неужли я не буду
Трактористкою сама?

Веселей играй гармошка,
Громче, чернокожая,
Моя милка по дорожке
На фордэне ехала.

В хороводе я плясала,
Загорелся ясный взор,
Я миленька увидела,
Он ударник-комбайнер.

Я на Ванну гармошку
Понавешала сирень,
Чтобы Ваня гармошка
Заиграла веселей...

Вот настанет скоро чудо,
Проведем мы ток повсюду:
И в коровник, и в овин,
Только в церковь не дадим.

На горе стоит ольха,
Под горой береза,
Если жизнь у вас плоха,
Значит, нет колхоза.

Развернулись лепестки,
Яблони — как в инее,
Ты всегда держись, колхозник,
Большевистской линией.

Из сборника частушек, выпускаемого
книгоиздательством «Нурская правда».

Воспитаем „Джудльбарсов“

При курском областном совете Осоавиахима организован комитет служебных собак. Цель комитета — дрессировка и обучение породистых собак на пользу обороны страны.

С начала мая обучается 17 породистых собак, в число которых входит один доберман-пинчер и шестнадцать немецких овчарок. Занятия проводятся на площадке III Интернационала, у парашютной вышки, 10 раз в месяц, под руководством приглашенного специалиста-собаководца, бывшего инспектора погранохраны тов. Ерунова П. М. Собаки проходят общий курс обучения послушанию, связную, санитарную и конвойно-сторожевую службу.

На снимке: общественный секретарь комитета служебных собак курского Осоавиахима тов. Рязанова Н. А. со своим питомцем — немецкой овчаркой Грей.

Фото А. БОГДАНЧИКОВА.

АЛЕКСЕЙ ЧУЙКОВ.
ПОХОД

Ты меня, братишка,
не пытай, не спрашивай,
я и сам охотно
рассказать могу,
как мы наступали,
как рубились шапками,
как стоял над сопками
орудийный гул.
Кронштадские матросы,
с кораблей линейных
двинули к Уралу мы
ударить Колчака.
Дорогой братишка,
мы дрались идейно,
прострелянных товарищей
спасали на руках.
Под Казанью чехи,
юнкеры в Самаре,
в Омске кутит ночь
холерный адмирал.
И мы его сломали
отчаянным ударом,
мы вернули родину
золотой Урал.
На конях и пехом
по степям сибирским
гнали мы, братишка,
вражьи корпуса.
И Колчак от злости,
как в припадке, бился,
проклинал союзников
и темные леса.
Как идем бывало,
в бой Девятым валом,
грохоча орудиями
и шапками звеня.
Конница казачья
лихо танцовала,
гармоника играла
матреш по деревням.
И матросы поели
про свое житье,
забрали белых
полковников живьем.
И тайга катала,
ухала, как волны...
Матросские отряды
начали редеть.
Прострелянными падали
товарищи за волю,
падали товарищи за волю
каждый день.
Мы их хоронили
с музыкой винтовок,
плакали гармоника,
как девушки, навзрыд.
Хмурились матросы
лохматые брови,
в глухой тайге навеки
товарищей зарыли.
Хмурились матросы,
склоняли знамена,
босая музыка
грохала грозой!
А в Чите расстреливал
атаман Семенов
пятаки партизанские
собственной рукой.
Адмирал в Иркутске
обмирал от страха,
убегали чехи
на родину свою.
И под Красноярском
офицеры ахали,
последние десанты
потопив в бою.
Мы пошли к Иркутску,
Колчака убили,
на Амур ударили
матросские полки.
Уплывали с галлами
купеческие крали,
и нас встречали
с хлебом и с солью мужики.
Плакали гармоника,
по братьям убитым,
резали двухрядные
чететки и матреш!
Встречали украинцы нас
песней «Запорожцы»,
и спешил прикончить гадов
пулемет.
Мы подыали знамя
над рекой Амуром,
мы пустили
гидро буржуазную
в расход!
Так на океане
наша диктатура,
дорогой братишка,
закончила поход.

ФЕЛЬЕТОН
Всезнайка

Его звали Евгением, он же звал себя гением. Он был уверен в своем природном таланте и решил, что может не узнавая, не учась, не читая, не смотря, видеть и не слушая слышать. Он читал много книг, и читал их как «истинный гений»: он их буквально «глота», какие целиком, какие через две страницы, какие начинал читать с конца, в иных читал только начало.

Если он видел в театре «Анну Каренину», а в опере — «Бориса Годунова», то считал, что он уже знает Толстого и Пушкина и читать произведения этих авторов было, по его мнению, только лишней тратой времени.

Он не контролировал своих знаний, надеясь на свою «спонтанную память». И вот она однажды его жестоко подвела.

Это было совсем недавно. В классе вошел преподаватель литературы и дал письменную работу. Тема была «Борис Годунов».

Вот что написал наш герой: «Борис Годунов». Музыка Гончарова.

После смерти Ивана Грозного Евгений Онегин поехал получать наследство. Когда он заснул в поезде Манитову, которого он сначала принял за старуху — прислугу, т. к. Манилов был одет в старый заплятанный халат, — и стал просить его продать живых трупов. Манилов начал с ним играть в шашки, потом дело дошло до драки. И плохо пришлось бы Онегину, если бы в самый критический для него момент не явился Мефистофель, который показал ему прекрасную Веру Павловну Розальскую. Дело кончилось тем, что они поженились, но скоро разошлись, потому что Вера Павловна влюбилась в его друга — Базарова.

Но тут, как на грех, из обрыва вышел Марк Волохов и сказал ей: «Вера, пойдем в беседку».

Но теперь вернемся к Гришке Отрепьеву. Когда он от царского гнева бежал, то однажды, между прочим, ночью видел сон, что его нес через снежные сугробы медведь. Под литовским шатром опальный воевода встретил Татьяну Марину и поспешил влюбиться около фонтана. Но Татьяна сказала, что она не блещет красотою и не достойна рыцарской руки. Он не вынес такого горя и начал рубить все, что ни попадется ему под руку. Рубил — рубил, и вдруг перед ним в сетях открылся прекрасный Людмила. Он ее на руках вынес из хрустального гроба, и оба они заплясали. Он повез ее в лукоморье, где растет большой зеленый дуб, а на дубе том — золотая цепь. И до сих пор ходит он на курьих ножках по этой цепи. Когда идет направо — сказки рассказывает, а налево — поет английским голосом.

Но мы оставим его и затянём на Бориса Годунова. Весь вопрос заключался для него в том, что «быть или не быть?» И он решил «быть!» и поехал на бал к Фамусову. Он хотел там найти прежнюю любимую Марию Антоновну, но ее не нашел и поехал дальше по свету искать в чувствах оскорбленный уголок. Впадая вступление, он начал громко кричать: «Короче мне, короче!» Помучилось сильнее море, пришла рыба и сказала: «Чего тебе надобно, Борис?» — «Дай мне, государыня-рыбка, разбитое корыто, чтобы я мог поплыть по синю морю и увидеть отца моего папа Салтана». — «Зачем тебе корыто, Борис, хочешь я из тебя сделаю шмеля и ты полетишь за кораблем?» И она дала ему три пельмени в лоб. От первого пельменя подпрыгнул Борис до потолка, от второго пельменя лишился Борис языка, а от третьего пельменя полетел Борис на крыльях ветра и начал метать бурманские стрелы в славные Игоревские поля.

А Ярославна горько плачет на высокой Полтавской стене. Но эти плачи и просьбы не доходят до твердого сердца Мазепы. Он зовет к себе палача своего, Машу Скуратова, и вопрошает строгим голосом: «Назвал ли злодеев гоним?» Узнав, что нет, что они все той же шумною толпой по Бессарабии лютуют, Мазепа немедленно взгрохотался на ель, у него появились мальчики кровавые в глазах, и он начал писать записки сумасшедшего.

Такой трагической трагедией кончается эта трагедия.

Н. ПЕТРИКОВСКИЙ.

Л. ГАН.
Детство

Длинная, низкая, словно придавленная тяжестью, казарма. Зеленые пузырчатые стекла маленьких окон пропекают внутри тусклый свет. По обе стороны нары. На них тонкий слой сырой, загнивающей соломы — он заменяет тюфяк и подушку. Направо спят мужики, налево — бабы. Ребята и здесь и там.

Из одного конца казармы в другой протянута веревка. На ней сушат рабочие пропитанные потом портянки и мокрые свитки. Веревка — условная граница мужской и женской сторон. Свитки и портянки — завазеска.

Люди после долгой и тяжелой работы приходили в казарму есть, спать и ругаться. Последнее только по праздникам, в будни даже на ругань хватало сил. Придут, поедят и сбиваются на нарах в сплюснутую, недвижимую массу.

Редко, редко поминается чья-то рука, расчесывая (по прозвищу, до тупых извращения) от укусов насекомых грязную кожу. И опять в тяжелый, одеревеневший сон.

Казарма — неразлучный спутник детства Ваньки. Здесь, в экономии миллионера заводчика Терещенко, за 3 рубля в месяц служила кухаркой в рабочем бараке мать Ваньки — Настасья Никифорова.

Отрывистая речь Ивана Антоновича. Все ниже и ниже сползает на лоб чер...

Вот задохнешься. Закричишь, проснешься, а мать уже около.

Иди, Ванюшка, на улицу. Подыши.

Десяти лет стал в школу ходить, в село Сергеевку. Учитель Петр Степанович кроме закона божьего ничему нас не учил. А мне это ни к чему. Я так ему и сказал. Незалюбил, стал придирается, как что, так линейкой по ладони. Один раз так избил, что я обомчелся. А дома мать была, что учителя не слушаюсь. Хорошо, что скоро учитель заболел и умер. Жена его стала учить. Эта мате была.

Кончил я 3 класса и захотел дальше учиться. Пристал к матери. Пошла она просить Андрея Логвиновича — управляющего экономией. Тот сначала рассмеялся, а потом рассердился и накричал на нее.

У Терещенко рабочих нехватает, а ты учишь вздумала. Приведи-ка его завтра.

Утром пошли мы к нему. Майей доложил. Вышел он на крыльцо — здоровый, голытый такой. Я его раньше видел. Испугался и за мать спрятался. Мать на колени.

Сделайте милость, барин, пошлите хоть одного моего сына выучить.

На какие же это деньги ты его учишь бужешь? На свои 3 рубля? Пусть-ка он завтра на наряд выхлест — работу ему дадим.

Ну, что ж, воля ваша! Поклонилась ему еще раз мать и побрела мы к себе в казарму.

Утром рано мать разбудила Ваню. Отлежал он стертую фигуру матери, красные глаза, матовое неясное лицо. Понял — не спала всю ночь, плакала.

Назначили меня свиной пасты. А их 250 штук. Разбегаются. Пока разлещешь одну — трех нехватает. Ну, по...

Вот задохнешься. Закричишь, проснешься, а мать уже около.

Иди, Ванюшка, на улицу. Подыши.

Десяти лет стал в школу ходить, в село Сергеевку. Учитель Петр Степанович кроме закона божьего ничему нас не учил. А мне это ни к чему. Я так ему и сказал. Незалюбил, стал придирается, как что, так линейкой по ладони. Один раз так избил, что я обомчелся. А дома мать была, что учителя не слушаюсь. Хорошо, что скоро учитель заболел и умер. Жена его стала учить. Эта мате была.

Кончил я 3 класса и захотел дальше учиться. Пристал к матери. Пошла она просить Андрея Логвиновича — управляющего экономией. Тот сначала рассмеялся, а потом рассердился и накричал на нее.

У Терещенко рабочих нехватает, а ты учишь вздумала. Приведи-ка его завтра.

Утром пошли мы к нему. Майей доложил. Вышел он на крыльцо — здоровый, голытый такой. Я его раньше видел. Испугался и за мать спрятался. Мать на колени.

Сделайте милость, барин, пошлите хоть одного моего сына выучить.

На какие же это деньги ты его учишь бужешь? На свои 3 рубля? Пусть-ка он завтра на наряд выхлест — работу ему дадим.

Ну, что ж, воля ваша! Поклонилась ему еще раз мать и побрела мы к себе в казарму.

Утром рано мать разбудила Ваню. Отлежал он стертую фигуру матери, красные глаза, матовое неясное лицо. Понял — не спала всю ночь, плакала.

Назначили меня свиной пасты. А их 250 штук. Разбегаются. Пока разлещешь одну — трех нехватает. Ну, по...

Вот задохнешься. Закричишь, проснешься, а мать уже около.

Иди, Ванюшка, на улицу. Подыши.

Десяти лет стал в школу ходить, в село Сергеевку. Учитель Петр Степанович кроме закона божьего ничему нас не учил. А мне это ни к чему. Я так ему и сказал. Незалюбил, стал придирается, как что, так линейкой по ладони. Один раз так избил, что я обомчелся. А дома мать была, что учителя не слушаюсь. Хорошо, что скоро учитель заболел и умер. Жена его стала учить. Эта мате была.

Кончил я 3 класса и захотел дальше учиться. Пристал к матери. Пошла она просить Андрея Логвиновича — управляющего экономией. Тот сначала рассмеялся, а потом рассердился и накричал на нее.

У Терещенко рабочих нехватает, а ты учишь вздумала. Приведи-ка его завтра.

Утром пошли мы к нему. Майей доложил. Вышел он на крыльцо — здоровый, голытый такой. Я его раньше видел. Испугался и за мать спрятался. Мать на колени.

Сделайте милость, барин, пошлите хоть одного моего сына выучить.

На какие же это деньги ты его учишь бужешь? На свои 3 рубля? Пусть-ка он завтра на наряд выхлест — работу ему дадим.

Ну, что ж, воля ваша! Поклонилась ему еще раз мать и побрела мы к себе в казарму.

Утром рано мать разбудила Ваню. Отлежал он стертую фигуру матери, красные глаза, матовое неясное лицо. Понял — не спала всю ночь, плакала.

Назначили меня свиной пасты. А их 250 штук. Разбегаются. Пока разлещешь одну — трех нехватает. Ну, по...

Долго ходил я в ту ночь. Ходил и плакал. Нет поросенка. Решил в лесу пойти искать. Там крапива, ноги до колен обжигала. Побродил, покричал, а потом лег и заснул.

Утром опять за поиски. Нет поросенка. Купать хочется, а домой идти боюсь — управляющий опять бит будет, да и мать тоже. Решил опять в лесу заочевать.

Поздно ночью слышу — мать плачет: — Ванька, где ты?

Молчу. Прижался к земле. Даже не дышать стараюсь.

Ванька-а, нашелся поросенок. Звесь ты?

Выходит или нет? — думаю. А может обманывает. Слышу мать уходит, голос дальше, словно и как-будто плачет. Не выдержал, вскричал.

Звесь я. А сам плачу.

Оказывается, поросенок выправку нашла. Отстал он и под скарм затес. Днем рабочие приехали хлеб возить, видят поросенка. Слышали, что Настинного Ваньку управляющий за поросенка бил. Догадались — тот самый. Забрали и отвезли свинарю.

Утром встал, пошел на работу, а мне нарядчик и говорит: — Тебя от свиной отстранили. Пойди к старшему волоннику — может возьмет. Пошел к волоннику.

Волонник, дяденька, к себе работай. Я стараюсь буду.

А ты чей?

Настин, кухаркин.

Сказки матери, чтобы бутылку да закуски поставила, тогда и решим.

Ваня меня работай. Днем в поле или на прогулку волон товашень, ночью в волонне работаешь. И так вплоть до семнадцатого.

Не было у меня детства. Вот что.